

ПАВЕЛ КУКОЛЬНИК И ВЛАДИМИР НАЗИМОВ*

Павел Лавринец

Вильнюсский университет

В статье рассматривается десяток стихотворений П. В. Кукольника, посвященных членам семьи виленского генерал-губернатора в 1855–1863 гг. В. И. Назимову (включая воспитанницу и гувернанток), и обстоятельства их создания. Стихотворения, опубликованные в двух прижизненных сборниках стихов, и примыкающие к ним стихотворные и прозаические тексты в двуязычной газете «Виленский вестник = Kurjer Wileński» и другие материалы комментируются с привлечением свидетельств современников и мемуаристов. Политический и социокультурный контексты обнаруживаются в адресованных генерал-губернатору и его окружению стихах не сервиллистские дедикации, а свидетельства личной близости автора к семейству Назимовых и признаки сходства установок Кукольника и виленской культурной среды в отношении Назимова.

Ключевые слова: Вильно, П. Кукольник, В. Назимов, окказиональная поэзия, польско-русские отношения, история культуры Литвы XIX в.

Keywords: Wilno, P. Kukolnik, V. Nazimov, occasional poetry, Polish-Russian relations, history of culture in Lithuania in the 19th century.

Сравнительно небольшое стихотворное и драматургическое наследие П. В. Кукольника, в отличие от деятельности его в качестве цензора и преподавателя истории в императорском Виленском университете и от творчества его младшего брата и более известного поэта, прозаика и драматурга Н. В. Кукольника, особого внимания исследователей не удостоивалось. Помимо суммарных характеристик его поэзии как лишенной высоких художественных достоинств, состоящей, преимущественно, из посвящений и стихов «на случай», с преобладанием религиозно-назидательных мотивов (Ря-

бов 1994, 216; Лавринец 1999, 34–37; Beržaitė 2007), имеются обзор переводов В. Сырокомли (Л. Кондратовича) произведений русских поэтов, в том числе Кукольника (Orłowski 1972, 116–117), очерк об отношениях Кукольника с Сырокомлей и его кругом, обусловленных, в частности, польским происхождением виленского цензора (Orłowski 1981, 85–93), объяснение переводов стихотворений Кукольника виленскими поэтами зависимостью от цензорского благополучия (Šlekys 1985, 87–88), глава «Польские симпатии цензора Павла Кукольника» в книге о польско-русских литературных связях первой половины XIX в. (Прокофьева 1990, 137–142).

В корпусе текстов Кукольника обращает на себя внимание обилие стихот-

* Статья написана на основе доклада, представленного на международном научном Лотмановском семинаре в Тартуском университете (Эстония), состоявшемся 26–28 февраля 2017 г.

ворений, посвященных В. И. Назимову, его жене, двум дочерям, воспитаннице и двум гувернанткам. Их автор пережил в Вильно двенадцать генерал-губернаторов, как позволительно для простоты называть должность главного начальника Виленской и смежных губерний (официальные именованья должностей, объем обязанностей и подведомственные территории на протяжении пяти с лишним десятилетий жизни Кукольника в Литве менялись). Но посвящений им и их близким не больше полудюжины: два стихотворения адресованы дочерям И. Г. Бибикова (виленский генерал-губернатор в 1850–1855 гг.); с А. Л. Потаповым (помощник виленского генерал-губернатора по гражданской части в 1864–1865 гг., генерал-губернатор в 1868–1874 гг.) связаны стихотворения «по случаю выезда его из Вильна в 1865 году» и «по случаю назначения его главным начальником Северо-западного края», а также посвящение его супруге Е. В. Потаповой и стихотворение на ее кончину¹. Столь отчетливая избирательность в посвящениях начальникам края и их окружению требует объяснений. В поисках таковых следует обратиться к деятельности В. И. Назимова в Северо-западном крае, к отношениям Кукольника с генерал-губернатором и его близкими и к положению в виленском обществе бывшего профессора Виленского университета, Медико-хирургической академии, Духовной римско-католической академии, цензора, члена-корреспондента губернского

статистического комитета, члена Виленской археологической комиссии со дня основания.

Назначение Назимова в Вильно явилось знаком императорской милости и обещанием благотворных перемен благодаря близости к государю (Назимов пользовался расположением Александра еще в бытность его наследником престола, будучи инструктором по военной части, живя во дворце и сопутствуя цесаревичу в поездках) и репутации, заслуженной полутора десятилетиями ранее. В 1840 г. Назимов возглавил особую следственную комиссию в Вильно по делу о заговоре, в котором якобы были замешаны военные и полицейские чины, студенты Виленской медико-хирургической академии и Дерптского университета из уроженцев Литвы, профессора Ю. Мянковский и А. Вельк, графиня Л. Забелло (урожденная Вавжецка, в первом браке супруга бывшего виленского генерал-губернатора Н. А. Долгорукова). В ходе следствия было арестовано 110 человек (Топильской 1870, 1186); край охватил страх: «Никто, ложась спать, не мог поручиться, что не будет схвачен ночью и через сутки не окажется в душном каземате» (Ломачевский 1872, 284).

Комиссия во главе с Назимовым установила, что заговора в действительности не существовало (Сидорова, Щербакова 2006, 230–231, 273–274). Генерал-губернатор Ф. Я. Миркович, стремившийся раздуть дело, добился того, что председателем следственной комиссии стал А. А. Кавелин; Назимов остался ее членом. Под председательством Кавелина комиссия подтвердила выводы Назимова; жители края почувствовали себя «внезапно и снова обла-

¹ Для точности следует назвать также «Исторические заметки о Литве» (1864), изданные с посвящением виленскому генерал-губернатору в 1863–1865 гг. М. Н. Муравьеву.

годетельствованными Государем Императором» (Сидорова, Щербакова 2006, 254). Назимов и Кавелин «сделались кумирами виленского общества и обывателей целого края» (Павлов 1885, 566). Особенной благодарностью Вильно прониклось к Назимову и его супруге А. А. Назимовой, урожденной Аверкиевой (Puzynina z Güntherów 1928, 311).

Спустя годы «дворянство литовских губерний и виленские обыватели» встретили Назимова «<...> восторженно, как старого знакомого, снявшего с них в 1841 году незаслуженную опалу, грозившую им многими бедствиями» (Павлов 1885, 571); он «прежним своим пребыванием в Вильне <...> в самые тяжелые минуты жизни края, возбудил к себе всеобщее уважение и благодарность» (Киркор 1858, 57). Митрополит Литовский и Виленский Иосиф (в миру И. И. Семашко) полагал, что Назимов был назначен «с видимою целью примирить поляков и латинян» и был принят «латино-польской партией» с горячими надеждами на него и государя (Семашко 1883, 262–263). По мнению помощника попечителя Виленского учебного округа и председателя комиссии по устройству музея М. Н. Муравьева, в назначении генерал-губернатором «лица, несомненно доброжелательного к польскому населению края, оно усмотрело признак, возвещавший близкое наступление времени, когда положение поляков в крае будет улучшено» (Белецкий 1906, IV).

Назимов выступил персонификатором новой политики в отношении Северо-Западного края, призванной путем компромиссов обеспечить лояльность местной элиты. Новый курс проявился в амнистии эмигрантов и репрессиро-

ванных в связи с восстанием 1831 г., с делами о тайных обществах и эмигрантах, с другими политическими преступлениями, в позволении вернуться в родные места, восстановлении прав по рождению, разрешении поступать на службу (Виленские воспоминания 1860, 182; Белецкий 1906, IV–V). Смягчались ограничения культурной, издательской, книготорговой деятельности: литератор, издатель, историк А. Г. Киркор связывал с Назимовым надежды на создание периодического издания на польском языке (Fornalczyk 1972, 345–347; Kirkor 1978, 38), при нем с 1857 г. начал выпускать альманах „TeKa Wileńska”, с 1860 г. стал редактором и издателем газеты «Виленский вестник» (= „Kurjer Wileński”), в которой между прочим публиковались очерки и стихотворные тексты Кукольника.

Начало правления Назимова ознаменовали символические презентации нового сценария взаимодействия власти и местной элиты. Присутствие генерал-губернатора 16 апреля 1856 г. (даты по Юлианскому календарю) при «торжественном и трогательном обряде» пятидесятилетнего юбилея священства Антония Жишковского в католическом кафедральном соборе демонстрировало доброжелательное отношение к влиятельной в крае католической церкви (Вильно 1856а). Торжества 17 апреля по случаю дня рождения императора включили богослужения в православном и католическом кафедральных соборах, обед у генерал-губернатора для высшего духовенства, военных и гражданских чиновников, торжественное открытие Виленского музея древностей и небывалую иллюминацию города (Записки 1856, 20–21; Виленские воспо-

минания 1860, 202–204). Вслед за этим, 27 мая, последовал «блистательный бал» дворянства Виленской, Гродненской, Ковенской губерний в честь нового начальника края, с участием князей Радзивиллов, Четвертынских, Гедройцей, графов Тышкевичей, Тизенгаузов, Чапских и «многих других старинных дворянских фамилий», «знаменитых и древнейших литовских родов». Бал собрал до 600 человек (Виленские воспоминания 1860, 205; Киркор 1858, 57–58); Назимову и его супруге был оказан «воистину царский прием» (Никотин 1902, 76). Ответный званый вечер на даче генерал-губернатора в живописном предместье Закрет, состоявшийся 29 мая, собрал свыше трехсот гостей (Вильно 1856б; Никотин 1902, 77).

Заявленный знаковыми акциями новый *modus vivendi* закреплялся созданием новых локусов взаимодействия российских властей и местного общества: Дворянский клуб, учрежденный по инициативе генерал-губернатора, избранного почетным президентом (Никотин 1902, 78); публичный сад с летним воксалом «для отдохновений и увеселений», устроенный «из собственных сумм» Назимова в Закрете, где располагалась летняя резиденция генерал-губернатора (Прелестные Виленские окрестности 1857; Никотин 1902, 358–359); основанные попечением супруги генерал-губернатора школа рукоделия для бедных девиц, с жильем и полным содержанием для не имеющих пристанища, и лавка для бедных, к расходам на которые было привлечено местное дворянство (Виленские воспоминания 1860, 206; Киркор 1858, 58; Никотин 1902, 359, 519). В этом же ряду стоит

Виленская археологическая комиссия и Музей древностей при ней.

Созданная по инициативе археолога и историка графа Е. П. Тышкевича Археологическая комиссия действовала с января 1856 г. Музей древностей, который стал «настоящим польским университетом» (Белецкий 1906, XXIV), и комиссия, по сути универсальное научное и культурное общество, были самой яркой общественной инициативой своего времени в Литве (Aleksandravičius 1984; Stolzman 1987, 55–58; Лавринец 1989, 45–46). Торжественный акт открытия музея в здании упраздненного в 1832 г. университета в присутствии генерал-губернатора, православного митрополита Литовского и Виленского и римско-католического епископа Виленского, священников, бывших профессоров университета, военных и гражданских чиновников, преподавателей и воспитанников учебных заведений, литераторов, артистов, купцов, начальников цехов с знаменами и булавами ритуально манифестировал лояльность социального тела города и края.

С другой стороны, приуроченность открытия музея к дню рождения государя и присутствие не только высшего начальства края, но и генерал-майоров свиты А. П. Мусина-Пушкина и Л. В. Гечевича знаменовали высшее одобрение местному начинанию. В деятельности комиссии участвовали генерал-губернатор, губернатор, попечитель Виленского учебного округа и другие чины. Участие Назимова началось с публичного открытия музея, продолжилось избранием действительными членами комиссии генерал-губернатора Назимова и вице-губернатора М. Н. По-

хвиснева² (Записки 1856, 50), участием в заседаниях комиссии, начальственным содействием ее начинаниям, «приношениями музеуму»: от Назимова или при его посредничестве музей получил множество предметов старины и изданий (Лавринец 2015, 255–261).

До начавшихся в 1861 г. религиозно-патриотических манифестаций главный начальник края пользовался необыкновенной популярностью (Долбилов 2010, 176). Симпатии к генерал-губернатору и его семье демонстрировались многолюдным празднованием дня рождения А. А. Назимовой: на «блистательный бал» в генерал-губернаторском дворце 12 февраля 1857 г. собралось от 400 (Вильно в текущем году 1857) до 900 особ (Никотин 1902, 78). Сближению Назимова с местным обществом способствовали его открытость, гостеприимство, простота в общении. Он был доступен на многолюдных еженедельных вечерах у генерал-губернатора; семья Назимовых участвовала в балах, раутах, маскарадах, пикниках, обедах, любительских спектаклях (Никотин 1902, 78, 509–510; Лавринец 2015, 261).

Кукольник встречался с генерал-губернатором на разного рода официальных актах, общался с ним и его окружением в домашней обстановке. При открытии Музея древностей с участием Назимова вслед за речью председателя Археологической комиссии и попечителя музея Тышкевича и выступлением Киркора «Значение и успехи археологии в наше время» Кукольник

читал свое рассуждение «О пособиях к дополнению литовской истории» (Записки 1856, 21, 40–47). 6 декабря 1858 г. в Музее древностей состоялось чрезвычайное заседание комиссии при участии Назимова, губернатора Похвиснева, митрополита Иосифа, приуроченное к дню тезоименитства царевича Николая Александровича. На заседании Тышкевичу был вручен рескрипт наследника о принятии комиссии и музея под его покровительство; в заключение Кукольник прочел стихотворение, «по этому случаю написанное, и исполненное глубоких чувств и верноподданнической преданности» (Вильно 1858). Стихотворение было напечатано в «Виленском вестнике» с переводом Сырокомли (Кукольник 1858), затем включено в изданный Киркором сборник стихотворений Кукольника (1861). 28 июня 1862 г. был дан обед в честь бывшего попечителя Виленского учебного округа Е. П. Врангеля, оказавшегося (в должности инспектора военных учебных заведений) проездом в Вильно. На обеде генерал-губернатор провозгласил тост, затем как «старший службою чиновник министерства просвещения» произнес приветствие Кукольника (А. П. 1862). 19 июня 1862 г. отмечалось 50-летие служебной деятельности Кукольника. На квартире его поздравили «многие высшие военные и гражданские чиновники, сослуживцы и литераторы»; на обеде по подписке в Дворянском клубе Назимов провозгласил тост за здоровье юбиляра, затем сослуживцы Кукольника предложили тост за здоровье Назимова, удостоившего «семейный братский праздник своим присутствием» (Вильно 1862). В августе того же года Кукольник участвовал в

² М. Н. Похвиснев занимал должность правителя канцелярии попечителя Московского учебного округа, каковым Назимов состоял в 1849–1855 гг.; 30 января 1859 г. Похвиснев был утвержден в должности виленского гражданского губернатора.

поездке генерал-губернатора, «в сопровождении всего семейства», военных и гражданских чиновников, в Троки (Тракай) на закладку православной церкви (Кукольник 1862).

По свидетельству чиновника особых поручений при Назимове И. А. Никотина, к генерал-губернатору по субботам «<...> съезжались обыкновенно русские ко всенощной, во время которой В. И. Назимов читал иногда шестопсалмие, но по большей части делал это П. В. Кукольник» (Никотин 1902, 510). Известный своей набожностью Кукольник (Шверубович 1885, 60–61, 74–76), надо думать, участвовал и в обеднях в дворцовой церкви по воскресеньям и праздничным дням.

Выражая благодарность поздравившим его с 50-летием службы, Кукольник назвал Вильно городом, с которым он «<...> сроднился как бы с местом моего рождения» (Вильно 1862). К прибытию Назимова Кукольник уже свыше трех десятилетий жил в Литве и к середине 1850-х гг. был тесно связан с местным кругом ученых и литераторов, составивших позднее ядро Археологической комиссии, сотрудников «Виленского вестника» и авторов альманаха Киркора „TeKa Wileńska”. Кукольник состоял членом-корреспондентом губернского статистического комитета (в котором служил Киркор), как и другие деятели Археологической комиссии (М. Гербурт, Т. Нарбут, И. Ходзько). Автор компилятивных историко-краеведческих работ, он стал «ревностным сотрудником тогдашних исследователей литовской старины» (Шверубович 1885, 52–53). Цензор Кукольник разрешал издания под редакцией Киркора, книги его типографии, сочинения

А. Э. Одынца, Сырокомли, Тышкевича. У литераторов и издателей Кукольник пользовался репутацией благоразумного и доброжелательного цензора (Kirkor 1978, 174; Stolzman 1987, 89; Прокофьева 1990, 140; Medišauskienė 1998, 92–95). Отзывы современников рисуют образ человека толерантного и склонного к сотрудничеству. Преувеличения, приличествующие юбилейной заметке, не отменяют фактических оснований характеристики Кукольника, снискавшего «<...> общее уважение за свое доброе, благородное сердце, постоянную готовность быть полезным всякому и особенное умение, в трудных иногда соотношениях с литераторами и издателями, согласовывать свои обязанности с истинным благородством и правотою» (Вильно 1862).

А. С. Павлов, служивший при Назимове адъютантом и начальником особого отделения по политическим делам, называл Кукольника в одном ряду со знатоками «истории западных губерний и природы польского шляхетства» (Тышкевич, Киркор, Одынец, Ходзько), в беседах с которыми генерал-губернатор «<...> обогатил себя солидными познаниями в области вопросов, относящихся до вверенного ему края и его обывателей» (Павлов 1885, 566–567). Поэты этого круга Одынец, Сырокомля, В. Коротынский (члены-сотрудники Археологической комиссии) переводили стихи Кукольника. Объяснялось это стремлением поддерживать хорошие отношения с цензором (Šlekys 1985, 88; Stolzman 1987, 89); впрочем, в переводах усматривалось сходство с собственными произведениями Сырокомли и Коротынского, созвучие стихов цензора их настроениям (Orłowski 1981, 88–91;

Прокофьева 1990, 140). Кукольник вместе с Одынцем и Ходзько проводил вечер в салоне Сырокомли (Fornalczyk 1972, 267–271, 371), в 1853 г. он стал крестным отцом сына Сырокомли (Szostakowski 2012, 38); дружба с Сырокомлей в 1850-х гг. оживила его литературную деятельность (Шверубович 1885, 53). В общем, у Кукольника имелись основания для идентификации себя с местным обществом, что он и делал, например, в стихотворении по поводу визита Александра II в Вильно в 1858 г.: «Я ваш!», «И скорбь и радости я с вами разделяю» (Кукольник 1861, 126).

В январе 1859 г. Назимов, почетный член и бывший попечитель Московского университета, устроил третий, за время своего пребывания в Вильно, обед по случаю годовщины основания университета для бывших его питомцев и «знатнейших лиц в городе». На обеде Кукольник декламировал стихотворение, «<...> внушенное ему его усердным и многолетним служением просвещению и гармонизировавшее с духом праздника» (б. воспитанник М. У...та 1859). Несколько недель спустя оно было опубликовано вместе с анонимным переводом на польский язык. В стихотворении «здравный кубок» посвящался университету и тому, «<...> кому благое Провиденье // Святилища сего вручило управленье». Стихотворение, славящее бывшего попечителя университета, оставившего «В сердцах питомцев и отцов их умиление, // Почтение в душах, в сердцах благословенье» (Смесь 1859), примыкает к собственно посвящениям и может считаться самым ранним из них.

Стихи, адресованные Назимову и его близким, вероятно, декламировались

Кукольником на семейных праздниках, по многолюдности носивших до известной степени публичный характер. Стихотворение «Владимиру Ивановичу Назимову (В день именин его)» датировано 14 июля 1860 г., то есть кануном именин Назимова, когда «<...> число гостей считалось обыкновенно сотнями <...>» (Никотин 1902, 78). Оно представляет собой самоуничижительный диалог с «тщедушным» гением поэта, которому нечего принести в дар имениннику (Кукольник 1861, 108–110). Датированное 22 июля 1860 г. посвящение супруге генерал-губернатора «Настасии Александровне Назимовой (Голос души)» носит свойственный сочинениям Кукольника религиозно-назидательный характер. Старшей дочери, впоследствии фрейлине, в замужестве Сабуровой, посвящено датированное 9 декабря 1859 г. стихотворение «Анне Владимировне Назимовой (В день именин ее)». Среднюю дочь с днем рождения в 1861 г. Кукольник поздравил нравоучительным стихотворением «Мариамне Владимировне Назимовой (В день ее рождения)» (Кукольник 1861, 64–66, 103–107, 111–112).

К этим стихотворениям примыкают датированная 1861 г. вторая часть повести в стихах «Друг» с посвящением воспитаннице Назимовых Э. А. Гауке (Кукольник 1861, 225–259), пространные посвящения гувернанткам Аделаиде Гейнрихсен, занимавшейся с дочерьми генерал-губернатора немецким языком, и «англичанке» Ольге Козакевич (Никотин 1902, 75). Стихотворение «Ольге Александровне Козакевич» (с датой 23 апреля 1861 г.) содержит обычные для Кукольника назидания с религиозной окраской (Кукольник 1861, 88–102). В стихотворении «Аделаиде Романовне

Гейнрихсен (Воспоминания о Вильне)» (с датой 27 января 1861 г.) рифмованная экскурсия по христианским святыням Вильны продолжена описанием летней резиденции генерал-губернатора, характеристикой его («Дар Провиденья сей стране, // Высокий чувством и душою, // Примерный, верный церкви сын») и его семейства. По стихотворению, Кукольник еженедельно («Окончив скучную работу // Шести урочных долгих дней») отдыхал в Закрете душой, где его принимали как родного (Кукольник 1861, 76–87). Он был далеко не единственным завсегдагастеприимного дома, становившегося «<...> почти в течение пяти месяцев <...> средоточием широкого русского гостеприимства нашего добрейшего начальника; каждый день там собиралось общество, а по воскресеньям число посетителей простиралось далеко за сотню <...>» (Никотин 1902, 77).

В мае 1863 г. Кукольник написал «Владимиру Ивановичу Назимову. По случаю оставления им должности виленского генерал-губернатора в 1863 году», обещая передать потомкам славное имя и приучить их с детства молиться за «<...> участие к нам среди горести и бед; // За сердце кроткое, за счастья восемь лет» (Кукольник 1872, 6–7³). Заочным поздравлением стало стихотворение «Владимиру Ивановичу Назимову в день серебряной его свадьбы» (Кукольник 1872, 8). Такое же заочное стихотворное поздравление «Владимиру Ивановичу Назимову в день 50-тилетнего юбилея его службы 22 октября 1871 г.» выражало общие чувства виленских обывателей, благо-

дарных «<...> за восемь незабвенных // Протекших быстро лет <...>». Особенно пространно воспевался «подвиг» юбилея 1841 г., с которого началась популярность Назимова в Вильно:

*Тогда, как всякий ждал лишь горя и мучений,
Закон и здравый смысл был нагло искажен,
Когда невинных тьма томилась в заключеньи,
И мирный храм наук в темницу превращен, –
Ты выступил один героем, исполином,
В защиту истины. <...>*

(Кукольник 1872, 23–24).

Таким образом, обилие стихотворений Кукольника, адресованных Назимову, членам его семьи и домашнему окружению, не может быть объяснено исключительно стремлением угодить высокому представителю высшей власти, тем более после отстранения последнего от должности в Вильно. Посвящения отчасти обязаны радушию, встречавшему Кукольника в доме генерал-губернатора, близким отношениям, сложившимся за семь лет пребывания Назимовых в Вильно. Самым существенным является то, что за годы жизни в Вильно Кукольник проникся интересами здешнего общества и разделял его отношение к Назимову. Более того, своим поведением Кукольник реализовывал сценарий взаимодействия с виленским обществом, близкий к тому, который осуществлял генерал-губернатор. Посвящения Назимову выражают виленские настроения конца 1850-х гг. и вместе с тем отражают сходство установок генерал-губернатора и стихотворца на сотрудничество с инокультурной средой. М. Н. Муравьев и К. П. фон Кауфман от подобных установок были да-

³ См. недавнюю републикацию стихотворения (Мураўёў 2016, 167–169).

леки. Им Кукольник стихотворений не посвящал, а его собственное положение и репутация при режимах этих генерал-

губернаторов изменились не в лучшую сторону; это могло бы стать предметом другого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

А. П. 1862. Вильно. *Виленский вестник* = *Kurjer Wileński* 53 (6 июля), 422.

б. воспитанник М. У...та. 1859. 12 января 1859 года = b. uczeń M. Un...tu. Dzień 12 Stycznia 1859 г. *Виленский вестник* = *Kurjer Wileński* 7 (23 января), 94–95.

Белецкий, А. 1906. Предисловие к 1 т. сборника документов Муравьевского музея. *Сборник документов Музея графа М. Н. Муравьева*. Т. I. Составил А. Белецкий. Вильна: Русский почин. II–LXXXIX.

Виленские воспоминания с 1854 года. 1860. *Памятная книжка Виленской губернии на 1860 год*. Ч. 2: *Историко-статистический сборник Виленской губернии, составлен с разрешения начальства Виленским губернским статистическим комитетом*. Вильно: Тип. А. Киркора и К. 169–258.

Вильно в текущем году. 1857 = Wilno w roku bieżącym. *Виленский вестник* = *Kurjer Wileński* 29 (16 апреля), 244.

Вильно. 1856а = Wilno. *Виленский вестник* = *Kurjer Wileński* 32 (24 апреля), 270.

Вильно. 1856б = Wilno. *Виленский вестник* = *Kurjer Wileński* 43 (1 июня), 370–371.

Вильно. 1858 = Wilno. *Виленский вестник* = *Kurjer Wileński* 96 (9 декабря), 1026–1027.

Вильно. 1862. *Виленский вестник* = *Kurjer Wileński* 48 (22 июня), 381.

Внутренние известия. 1856 = Wiadomości krajowe. *Виленский вестник* = *Kurjer Wileński* 31 (20 апреля), 259.

Долбилов, М. Д. 2010. *Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*. Москва: Новое литературное обозрение.

Записки Виленской археологической комиссии. 1856. I. Под ред. А. Киркора и М. Гусева = *Raporty komisji archeologicznej Wileńskiej*. I. Pod red. M. Balińskiego i L. Kondratowicza. Wilno: drukiem J. Zawadzkiego.

Киркор, А. К. 1858. Историко-статистические очерки города Вильно. *В память пребывания Государя Императора Александра II в Вильне, 6 и 7 сентября 1858 г.* Издание Виленской Археологической Комиссии = *Na pamiątkę pobytu Najjaśniejszego Cesarza Jego Mości Alexandra II w Wilnie 6 i 7 września 1858*. Wydanie Komisji Archeologicznej Wileńskiej. Wilno: drukiem J. Zawadzkiego. 13–168.

Кукольник, П. 1858. Шестое число декабря 1858 года, в Виленской археологической комиссии = Dzień szósty grudnia 1858 roku, w Wileńskiej Archeologicznej Komisji. Wiersz Pawła Kułownika (Przekład z Rossyjskiego Władysława Syrokomli). *Виленский вестник* = *Kurjer Wileński* 98 (16 декабря), 1045–1046.

Кукольник, П. 1861. *Стихотворения. 1861 года*. Вильно: Тип. А. К. Киркора.

Кукольник, П. 1862. 18-ое число августа 1862 года. *Виленский вестник* = *Kurjer Wileński* 66 (24 августа), 525.

Кукольник, П. 1872. *Стихотворения*. II. Вильна: Печатня А. Г. Сыркина.

Лавринец, П. 1989. Н.С. Лесков и вильнюсские литераторы. *Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai: Literatūra* = *Научные труды. Литература* 31 (2), 44–56.

Лавринец, П. 1999. *Русская литература Литвы (XIX – первая половина XX века): Учебно-методическое пособие*. Вильнюс: Petro ofsetas.

Лавринец, П. 2015. Владимир Назимов и Виленская временная археологическая комиссия. *Kova dėl Istorijos. Vilniaus senienų muziejus (1855–1915)*. *Mokslo straipsnių rinkinys*. Sud. Ž. Būčys, R. Griškaitė. Vilnius: Lietuvos nacionalinis muziejus. 251–262.

Ломачевский, А. И. 1872. Записки жандарма. Воспоминания с 1837-го по 1843-й год. *Вестник Европы* 4, 723–757.

Мураўёў, М. 2016. *Наматкі пра кіраванне Паўночна-Заходнім краем і пра падаўленне ў ім*

бунту. Прадм., камент. А. Фядута. Мінск: Ліма-рыус.

Никотин, И. А. 1902. Из записок. *Русская старина* СІХ (январь – март), 71–86; 353–374; 509–527.

Павлов, А. С. 1885. Владимир Иванович Назимов. Очерк из новейшей летописи северо-западной России. *Русская старина* XLV (февраль – март), 385–410; 552–580.

Прелестные Виленские окрестности. 1857 = *Prześlizczone okolice wileńskie. Виленский вестник = Kurjer Wileński* 41 (31 мая), 351.

Прокофьева, Д. С. 1990. «Струн вещей пламенные звуки». *Страницы польско-русских литературных связей первой половины XIX в.* Москва: Наука.

Рябов, А. К. 1994. Кукольник Павел Васильевич. *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь*. Гл. ред. П. А. Николаев. Т. 3: К–М. Москва: Большая Российская энциклопедия. 215–217.

Семашко, И. И. 1883. *Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора*. Т. 1. СПб.: Тип. императорской Академии Наук.

Сидорова, М. В., Щербакова, Е. И. 2006. *Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827–1869: Сборник документов*. Москва: Российский Фонд Культуры, Российский Архив.

Смесь 1859 = *Rozmaitości. Виленский вестник = Kurjer Wileński* 13 (13 февраля), 153.

Топильской, М. И. 1870. Несколько слов о событиях в Вильне после казни эmissара Канарского. *Русский архив* 6, 1183–1198.

Шверубович, А. И. 1885. *Братья Кукольники. Очерк их жизни: Биография, служебно-литературная деятельность и Хроника современных им событий в Северо-Западном крае*. Вильна: Тип. Губернского правления.

Aleksandravičius, E. 1984. Caro valdžios požūris į Vilniaus archeologijos komisiją (1855–1865). *Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. A serija* 4 (89), 101–112.

Beržaitė, D. 2007. *Kukolnik Pavel. Visuotinė lietuvių enciklopedija*. 11: *Kremacija – Lenzo taisyklė*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas. 206.

Fornalczyk, F. 1972. *Hardy lirnik wioskowy. Studium o Kondratowiczu-Syrokomla*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.

Kirkor, S. 1978. *Przeszłość umiera dwa razy. Powieść prawdziwa*. Kraków: Wydawnictwo Literackie.

Medišauskienė, Z. 1998. *Rusijos cenzūra Lietuvoje XIX a. viduryje*. Kaunas: Vytauto Didžiojo universiteto leidykla.

Orłowski, J. 1972. Władysław Syrokomla jako tłumacz poezji rosyjskiej. *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F: Nauki Filozoficzne i Humanistyczne*. Vol. XXVII, 7, 107–122.

Orłowski, J. 1981. Paweł Kukolnik i Władysław Syrokomla. *Zeszyty Naukowe Szkoły Pedagogicznej w Bydgoszczy. Studia Filologiczne*. Z. 14: *Filologia Rosyjska* (5), 85–93.

Puzynina z Güntherów, G. 1928. *W Wilnie i w dworach litewskich. Pamiętnik z lat 1815–1843, z 18 ilustracjami i 27 winjetami*. Wyd. A. Czartkowski, H. Mościcki. Wilno: nakładem i drukiem J. Zawadzkiego.

Szostakowski, J. 2012. *Śladami pamięci*. Wilno: Samorząd Rejonu Wileńskiego, Muzeum Władysława Syrokomli.

Stolzman, M. 1987. *Nigdy od ciebie miasto... Dzieje kultury wileńskiej lat międzypowstaniowych (1832–1863)*. Olsztyn: Poejezierze.

Šlekys, J. 1985. *Lietuvių-rusų literatūriniai ryšiai XIX a. pirmoje pusėje (1801–1861). Literatūra ir kalba*. XVIII: *Literatūriniai ryšiai*. Vilnius: Vaga. 57–98.

REFERENCES

A. P. 1862. Vil'no. *Vilenskii vestnik = Kurjer Wileński* 53 (6 iyulya), 422.

Aleksandravičius, E. 1984. Caro valdžios požūris į Vilniaus archeologijos komisiją (1855–1865) [The approach of Czar's Government to the Archaeological Commission in Vilnius]. *Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. A serija* 4 (89), 101–112.

b. vospitannik M. U...ta. 1859. 12 yanvarya 1859 goda [January 12, 1859] = b. uczeń M. Un...tu. Dzień 12 Stycznia 1859 r. *Vilenskii vestnik = Kurjer Wileński* 7 (23 yanvarya), 94–95.

Beletskii, A. 1906. Predislovie k 1 t. sbornika dokumentov Murav'evskogo muzeya [Foreword to vol. 1 of the collection of documents of the Mura-

vyev Museum]. *Sbornik dokumentov Muzeja grafa M. N. Murav'eva* [Collection of documents of the Museum of Count M. N. Muraviev]. T. I. Sostavil A. Beletskii. Vilna: Russkii pochin. III–LXXXIX.

Beržaitė, D. 2007. Kukolnik Pavel. *Visuotinė lietuvių enciklopedija* [Universal Lithuanian Encyclopedia]. 11: *Kremacija – Lenzo taisyklė*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas Publ. 206.

Dolbilov, M.D. 2010. *Russkii kraj, chuzhaya vera: Etnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [Russian Country, Foreign Faith: Empire's Ethno-confessional Policy in Lithuania and Belarus under Alexander II]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.

Fornalczyk, F. 1972. *Hardy lirnik wioskowy. Studium o Kondratowiczu-Syrokomla* [The obstinate village singer. Study of Kondratowicz-Syrokomla]. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.

Kirkor, A.K. 1858. *Istoriko-statisticheskie ocherki goroda Vil'no* [Historical and statistical essays of Vilno city]. *V pamyat' prebyvaniya Gosudarya Imperatora Aleksandra II v Vil'ne, 6 i 7 sentyabrya 1858 g. Izdanie Vilenskoj Arkheologicheskoi Komissii* [In Memory of the Visit of Emperor Alexander II to Vilna, on September 6 and 7, 1858. The publication of the Vilna Archaeological Commission]. = Na pamiątkę pobytu Najjaśniejszego Cesarza Jego Mości Alexandra II w Wilnie 6 i 7 września 1858. Wydanie Komisji Archeologicznej Wileńskiej. Wilno: drukiem J. Zawadzkiego. 13–168.

Kirkor, S. 1978. *Przeszłość umiera dwa razy. Powieść prawdziwa* [The past dies twice. The true story]. Kraków: Wydawnictwo Literackie.

Kukol'nik, P. 1858. *Shestoe chislo dekabrya 1858 goda, v Vilenskoj arkheologicheskoi komissii* [The sixth day of December 1858, at the Vilna Archaeological Commission] = Dzień szósty grudnia 1858 roku, w Wileńskiej Archeologicznej Komisji. Wiersz Pawła Kukolnika (Przekład z Rossyjskiego Władysława Syrokomla). *Vilenskii vestnik = Kurjer Wileński* 98 (16 dekabrya), 1045–1046.

Kukol'nik, P. 1861. *Stikhotvoreniya. 1861 god*. [Poems. 1861]. Wilno: Tip. A. K. Kirkora.

Kukol'nik, P. 1862. *18-oe chislo avgusta 1862 goda* [The 18th of August, 1862]. *Vilenskii vestnik = Kurjer Wileński* 66 (24 avgusta), 525.

Kukol'nik, P. 1872. *Stikhotvoreniya* [Poems]. II. Vil'na: Pechatnaya A. G. Syrkina.

Lavrinets, P. 1989. *N. S. Leskov i vil'nyusskie literatory* [N. S. Leskov and Vilnius writers]. *Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai: Literatūra = Nauchnye trudy. Literatūra* [Vilnius University Journal of Scientific Studies. Literatūra] 31 (2), 44–56.

Lavrinets, P. 1999. *Russkaya literatura Litvy (XIX – pervaya polovina XX veka): Uchebno-metodicheskoe posobie* [Russian literature of Lithuania (19th and first half of the 20th century): Teaching aid]. Vilnius: Petro ofsetas Publ.

Lavrinets, P. 2015. *Vladimir Nazimov i Vilenskaya vremennaya arkheologicheskaya komissiya* [Vladimir Nazimov and the Vilna Temporary Archaeological Commission]. *Kova dėl Istorijos. Vilniaus senienų muziejus (1855–1915). Mokslo straipsnių rinkinys* [The Struggle for History. The Vilnius Museum of Antiquities (1855–1915). Collection of scientific articles]. Sud. Ž. Būčys, R. Griškaitė. Vilnius: Lietuvos nacionalinis muziejus Publ. 251–262.

Lomachevskii, A.I. 1872. *Zapiski zhandarma. Vospominaniya s 1837-go po 1843-i god* [Notes of the gendarme. Memories from 1837 to 1843]. *Vestnik Evropy* 4, 723–757.

Medišauskienė, Z. 1998. *Rusijos cenzūra Lietuvoje XIX a. viduryje* [The Russian censorship in Lithuania in the middle of the 19th century]. Kaunas: Vytauto Didžiojo universiteto leidykla Publ.

Muravyov, M. 2016. *Natunki pra kiravanne Pavnochna-Zakhodnim kraem i pra padavlenne v im buntu*. Pradm., kament. A. Fiaduta [Notes on the governance in the North-West region and the suppression of the rebellion in the region. Foreword, comments by A. Fiaduta]. Minsk: Limarius Publ.

Nikotin, I.A. 1902. *Iz zapisok* [From the notes]. *Russkaya starina* CIX (yanvar' – mart), 71–86; 353–374; 509–527.

Orłowski, J. 1972. *Władysław Syrokomla jako tłumacz poezji rosyjskiej* [Władysław Syrokomla as a translator of Russian poetry]. *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F: Nauki Filozoficzne i Humanistyczne*. Vol. XXVII. 7. 107–122.

Orłowski, J. 1981. *Paweł Kukolnik i Władysław Syrokomla* [Paweł Kukolnik and Władysław Syrokomla]. *Zeszyty Naukowe Szkoły Pedagogicznej w Bydgoszczy. Studia Filologiczne*. Z. 14: *Filologia Rosyjska* (5), 85–93.

Pavlov, A. S. 1885. *Vladimir Ivanovich Nazimov. Ocherk iz noveishei letopisi severo-zapadnoi*

Rossii [Vladimir Ivanovich Nazimov. An essay from the latest chronicle of Northwestern Russia]. *Russkaya starina* XLV (fevral' – mart), 385–410; 552–580.

Prelestnyye Vilenskie okrestnosti [Charming Vilna neighborhood]. 1857 = Prześliczne okolice wileńskie. *Vilenskii vestnik = Kurjer Wileński* 41 (31 maja), 351.

Prokof'eva, D. S. 1990. "Strun veshchikh plamennye zvuki". *Stranitsy pol'sko-russkikh literaturnykh svyazei pervoi poloviny XIX v.* ["The fiery sounds of prophetic strings". Pages of Polish-Russian literary connections of the first half of the XIX century]. Moscow: Nauka Publ.

Puzynina z Güntherów, G. 1928. W Wilnie i w dworach litewskich. Pamiętnik z lat 1815–1843, z 18 ilustracjami i 27 winjetami [In Vilnius and in the lithuanian palaces. Diary of 1815–1843]. Wyd. A. Czartkowski, H. Dościcki. Wilno: nakładem i drukiem J. Zawadzkiego.

Ryabov, A. K. 1994. Kukul'nik Pavel Vasil'evich. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'*. Gl. red. P. A. Nikolaev. T. 3: K–M [Russian writers. 1800–1917: Biographical Dictionary. Vol. 3: K–M]. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya Publ. 215–217.

Semashko, I. I. 1883. *Zapiski Iosifa mitropolita Litovskogo, izdannye Imperatorskoyu Akademiiyu Nauk po zaveshchaniyu avtora*. T. 1 [Notes of Joseph Metropolitan of Lithuania, published by the Imperial Academy of Sciences on the will of the author. Vol. 1]. St.-Petersburg: Tip. imperatorskoi Akademii Nauk Publ.

Shverubovich, A. I. 1885. *Brat'ya Kukul'niki. Ocherk ikh zhizni: Biografiya, sluzhebno-literaturnaya deyatel'nost' i Khronika sovremennykh im sobytiy v Severo-Zapadnom krae* [Brothers Kukulnik. An outline of their lives: Biography, literary work and the Chronicle of contemporary events in the Northwestern Krai]. Wilna: Tip. Gubernskogo Pravleniya.

Sidorova, M. V., Shcherbakova, E. I. 2006. *Ros-siya pod nadzorem. Otchety III otdeleniya. 1827–1869: Sbornik dokumentov* [Russia under surveillance. Reports of the Third department of 1827–1869: Document collection]. Moscow: Rossiiskii Fond Kul'tury, Rossiiskii Arkhiv Publ.

Smes' 1859 [Miscellany]. = Rozmaitości. *Vilenskii vestnik = Kurjer Wileński* 13 (13 fevralya), 153.

Stolzman, M. 1987. *Nigdy od ciebie miasto... Dzieje kultury wileńskiej lat międzypowstaniowych (1832–1863)* [Never from you, o city... History of the Wilno culture in the inter-rebellion years (1832–1863)]. Olsztyn: Poejezierze.

Szostakowski, J. 2012. *Śladami pamięci* [In footsteps of memory]. Wilno: Samorząd Rejonu Wileńskiego, Muzeum Władysława Syrokomli.

Šlekys, J. 1985. Lietuvių-rusų literatūriniai ryšiai XIX a. pirmoje pusėje (1801–1861) [Lithuanian-Russian literary relations in the first half of the 19th century (1801–1861)]. *Literatūra ir kalba* XVIII: *Literatūriniai ryšiai*. Vilnius: Vaga Publ. 57–98.

Topil'skoi, M. I. 1870. Neskol'ko slov o sobytiyakh v Vil'ne posle kazni emissara Kanarskogo [A few words about the events in Vilna after the execution of the emissary Kanarski]. *Russkii arkhiv* 6, 1183–1198.

Vil'no v tekushchem godu. [Vilna in the current year]. 1857 = Wilno w roku bieżącym. *Vilenskii vestnik = Kurjer Wileński* 29 (16 aprelya), 244.

Vil'no. 1856a = Wilno. *Vilenskii vestnik = Kurjer Wileński* 32 (24 aprelya), 270.

Vil'no. 1856b = Wilno. *Vilenskii vestnik = Kurjer Wileński* 43 (1 iyunya), 370–371.

Vil'no. 1858 = Wilno. *Vilenskii vestnik = Kurjer Wileński* 96 (9 dekabrya), 1026–1027.

Vil'no. 1862. *Vilenskii vestnik = Kurjer Wileński* 48 (22 iyunya), 381.

Vilenskie vospominaniya s 1854 goda [Memoires of Vilna since 1854]. 1860. *Pamyatnaya knizhka Vilenskoj gubernii na 1860 god*. Ch. 2: *Istoriko-statisticheskii sbornik Vilenskoj gubernii, sostavlenn s razresheniya nachal'stva Vilenskim gubernskim statisticheskim komitetom* [Memory Book of Vilna Gubernia for 1860. Part 2: Historical and statistical collection of Vilna Gubernia, compiled with the permission of the heads by the Vilna Gubernia Statistics Committee]. Wilno: Tip. A. Kirkora i K. 169–258.

Vnutrennie izvestiya. [Internal news]. 1856 = Wiadomości krajowe. *Vilenskii vestnik = Kurjer Wileński* 31 (20 aprelya), 259.

Zapiski Vilenskoj archeologicheskoi komisii [Notes of the Vilna Archaeological Commission]. 1856. I. Pod red. A. Kirkora i M. Guseva = *Pamiętniki komisji archeologicznej Wileńskiej*. I. Pod red. M. Balińskiego i L. Kondratowicza. Wilno: drukiem J. Zawadzkiego.

PAVEL KUKOLNIK AND VLADIMIR NAZIMOV

Pavel Lavrinec

S u m m a r y

A dozen verse texts by the Vilnius censor and the figure of the Vilna Archaeological Commission Pavel Kukolnik (1795–1884), written in 1859–1871, are dedicated to Vladimir Nazimov (1802–1874), the Governor-General of Vilna during 1855–1863, as well as his wife, daughters, pupil and two governesses. It was such an unusually generous case of dedications. To explain this, the testimonies of contemporaries and periodical press materials are used to analyze Nazimov's activities and his relationship with the local society, Kukolnik's relationship with Nazimov and his family and Kukolnik's relationship with the local cultural environment. Kukolnik and Nazimov jointly participated in many official events; Kukolnik also met with Nazimov in private, since the Governor-General was open-minded, and his house was a hospitable place. However, the dedication to Nazimov and his family is motivated not only by the personal qualities of the Governor-General and by

the warm attitude of his home environment toward Kukolnik; Nazimov's activities in Vilna were oriented toward a compromise and cooperation with the Lithuanian society of that time. On the other hand, Kukolnik lived in Vilna since 1825, and in the 1850s, he became friends with a circle of local Polish writers and scholars (Adam Honory Kirkor, Antoni Edward Odyniec, Władysław Syrokomla and others). In his own words, Vilna became a part of him. Therefore, he evidently identified himself with the local cultural environment, shared its sympathies for Nazimov and associated certain hopes with him. The carried-out research allows to draw a conclusion that Kukolnik's poetic dedications reflected the similarity of the Governor-General's and the poet's attitude toward interaction and cooperation with the environment of a different language, a different faith, a different culture, and it expressed the moods of the Vilna society of the late 1850s and early 1860s.

PAVELAS KUKOLNIKAS IR VLADIMIRAS NAZIMOVAS

Pavel Lavrinec

S a n t r a u k a

Dešimtys Vilniaus cenzoriaus ir Vilniaus archeologijos komisijos veikėjo Pavolo Kukolniko (1795–1884) 1859–1871 m. parašytų eiliuotų tekstų buvo dedikuoti Vilniaus generalgubernatoriui Vladimirui Nazimovui (1802–1874), jo žmonai, dukroms, auklėtinei ir dviem guvernantėms 1855–1863 metais. Tokio nepaprastai gausaus dedikacijų korpuso paaiškinimui analizuojami Nazimovo veikla ir vietinės visuomenės santykiai su juo, Kukolniko santykiai su Nazimovu ir jo šeima, Kukolniko ir vietinės kultūrinės aplinkos tarpusavio santykiai remiantis amžininkų liudijimais ir periodinės spaudos medžiaga. Kukolnikas ir Nazimovas kartu dalyvaudavo oficialiuose renginiuose; Kukolnikas taip pat susitikdavo su Nazimovu privačioje aplinkoje, nes generalgubernatorius pasižymėjo atvirumu, o jo namai – svetingumu. Tačiau dedikacijos Nazimovui ir jo artimiesiems motyvuotos ne tik

generalgubernatoriaus asmenybės savybėmis bei jo naminės aplinkos šiltais santykiais su Kukolniku. Nazimovo veikla Vilniuje buvo orientuota į kompromisą ir bendradarbiavimą su tuometinės Lietuvos bendruomene. Kita vertus, Kukolnikas gyveno Vilniuje nuo 1825 m. ir 6-ajame dešimtmetyje suartėjo su vietinių lenkų literatų ir mokslininkų aplinka (Adomas Honorijus Kirkoras, Antanas Eduardas Odinecas, Vladislovas Sirokomlė ir kt.). Jo paties žodžiais, jis susigyveno su Vilniumi. Todėl jis akivaizdžiai tapatino save su vietine kultūrine aplinka, jautė tą patį palankumą Nazimovui bei siejo su juo tam tikras viltis. Atliktas tyrimas leidžia daryti išvadą, kad Kukolniko eiliuotos dedikacijos atspindėjo generalgubernatoriaus ir poeto sąveikas su kitos kultūros aplinka nuostatų panašumą ir išreiškė 6-ojo dešimtmečio pabaigos ir 7-ojo dešimtmečio pradžios Vilniaus visuomenės nuotaikas.

Получено: 2017, июнь

Принято: 2017, июль

Adres autora:

Vilniaus universitetas
Baltijos kalbų ir kultūrų institutas
Universiteto g. 5
LT-01513 Vilnius Lietuva
E-mail: pavel.lavrinec@flf.vu.lt